

Вспоминает Елена ЛУПАНДИНА¹

С Норой Николаевной Рубашовой² я познакомилась 20 февраля 1981 года. Это было незадолго до покушения на Папу Римского. Привел меня к Норе Николаевне Иван Владимирович <Лупандин>, но с моей стороны приходы к Норе Николаевне были не совсем по религиозным мотивам. Мы с Ваней³ познакомились в 1978 году, он делал мне предложение, потом мы расстались, а когда с моей стороны начались попытки восстановить отношения, Ваня меня привел к Норе Николаевне. Я была ей нужна для поддержки на бытовом уровне, и мне было приятно это делать, чем-то ей услужить. Я понимала, что она одинокий человек, сильно претерпела в жизни и может меня многому научить.

Я очень хорошо помню тот день... Как я к ней пришла, и Нора Николаевна открыла мне дверь (а жила она в коммунальной квартире, и за дверью начинался огромный коридор). Обычно она меня сразу в комнату проводила, а тут вдруг говорит мне: «*Леночка, такое, такое несчастье!*» Я чувствую, ей плохо, она прислоняется к стенке и говорит: «*На Папу было покушение*».

У Норы Николаевны был довольно тяжелый сосед, который так же, как и она, был в лагерях, и отличался крайне неуживчивым характером, мог даже вступить в драку с ее гостями. Я поняла, что его надо просто понять, помочь ему чем-то в быту, ведь он был одинокий мужчина. Я мыла коридор, места общего пользования, и кажется, примиряла его немножко с Норой Николаевной и с жизнью. Вообще, Нора Николаевна старалась, чтобы мы большой компанией не собирались, все-таки время было достаточно опасное для таких вот «запросто религиозных» сборов, поэтому я знаю далеко не всех, кто у нее бывал.

Запомнила я Юлия Анатольевича Шрейдера⁴, Александра Хмельницкого (помню, как мы с Норой Николаевной обсуждали тему его рукоположения). Конечно же, запомнился мне отец Георгий Фридман, которому я начала исповедоваться. Затем Андрей Касьяненко, но виделись мы с ним редко. Помню Евгения Гейнрихса, его рукоположили уже при мне (позднее он нас с Ваней и венчал). Еще совсем девочкой стала приходить к Норе Николаевне Таня Коновалова, я ее хорошо помню, потому что она стала моей как бы преемницей, — помогала Норе Николаевне по хозяйству, делая покупки и поддерживая ее быт. Приходила также Ирина Ивановна Софроницкая⁵, Тамара Яковлевна

¹ Интервью проведено Маргаритой Курганской. Текст расшифрован Ольгой Мироновой.

² РУБАШОВА Нора (Екатерина Сиенская) Николаевна, родилась в 1909 в Москве. В 1920-х — студентка МГУ. В апреле 1926 — приняла католичество, позднее пострижена в монахини с именем Екатерина Сиенская, участвовала в тайных богослужениях на квартирах. 15 февраля 1931 — арестована по групповому делу. 18 августа 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1936 — освобождена и выслана в Мичуринск, работала в ботаническом саду. Летом 1939 — освобождена и выехала в Малоярославец, вошла в общину сестер-доминиканок. В мае 1944 — выехала в с. Ново-Шульбу Семипалатинской для помощи сестре общины, работала в школе. С 1947 — вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг, с 1954 — в Карлаге. В мае 1956 — освобождена, вернулась в Москву, работала в Исторической библиотеке, позднее на пенсии. 12 мая 1987 — скончалась.

³ Имеется в виду Иван Владимирович Лупандин.

⁴ Шрейдер Юлий Анатольевич — советский и российский математик, кибернетик и философ.

⁵ Софроницкая Ирина Ивановна, научный сотрудник Музея А.Н. Скрябина, с 1982 — директор.

Казавчинская⁶, Наталья Леонидовна Трауберг⁷, хотя с ней мы виделись немного.

Вообще, фамилии гостей часто не назывались, не принято было, а давались смешные прозвища, например, Юлия Анатольевича звали Юленькой, он как бы приобретал женский облик, и меня это смешило. Помню Геннадия Моисеевича Файбусовича⁸, я видела его раза два, был очень колоритной личностью, не мог не запомниться, особенно некоторые его реплики. Часто к Норе Николаевне заходил Владимир Арнольдович Лихтерман, она его кормила и, вообще, материально поддерживала. Из Малаховки часто приезжали Вера Алексеевна с сыном Алешей⁹.

Приходил в гости и Сергей Сергеевич Аверинцев¹⁰, но Нора Николаевна всегда делала так, чтобы я уходила в это время. Бывал у нее и Арсений Тарковский. Затем Аня Годинер, но я с ней редко встречалась. Чаще всего я у Норы Николаевны встречалась, конечно же, с Ваней, который был у нее любимым человеком. Круг общения Норы Николаевны был большой и маленький одновременно. Потом к ней стал приходиться Алексей Юдин, но мы с ним почти не пересекались (в 1984 году у меня родился сын, и я стала редко у нее бывать).

Общалась Нора Николаевна со своим братом Александром Николаевичем Рубашовым и с его женой Валентиной Львовной. Она очень любила дочку брата Веронику, у нее, в свою очередь, было двое сыновей Леня и Володя, Володя-младший. Я это запомнила, потому что мы ездили с Норой Николаевной в "Детский мир" покупать для него игрушку, было ему тогда три годика. Норе Николаевне уже было очень трудно ходить, и игрушка, по моим понятиям, стоила безумные деньги. Сам Александр Николаевич страшно боялся, что Ваня после смерти Норы Николаевны что-то напишет о ней; боялся, что это навредит ему. Эти страхи очень долго жили в семье, потому что они все на себе пережили. Я думаю, что у этой семьи очень светлые воспоминания о Норе Николаевне¹¹.

Иногда из Польши к ней приезжал священник, потом я узнала, что это был отец Александр Хауке-Лиговский¹². Она всегда отзывалась о нем только в превосходной степени и говорила, что он настолько деликатен, что она как бы не ощущает его присутствие и оно для нее необременительно¹³.

Жила Нора Николаевна недалеко от метро Университет, в доме, где был магазин "Рыба", квартира 122, на третьем этаже. Вход был со двора. Нора Николаевна говорила, что не случайно она живет здесь, вблизи этого магазина, потому что Бог сделал так, чтобы она видела, когда привозили дефицитный товар, и она могла что-то купить. Время было трудное, не всегда можно было нужное купить, и чтобы облегчить жизнь нам, тем,

⁶ Казавчинская Тамара Яковлевна — переводчик с английского и польского, редактор журнала "Иностранная литература".

⁷ Трауберг Наталья Леонидовна — советский и российский переводчик, эссеист, мемуарист.

⁸ Он пишет под псевдонимом Борис Хазанов. Уехал из России, живет теперь в Германии.

⁹ Вера Алексеевна — дочь монахини, которая вышла замуж, когда община распалась. Нора Николаевна не любила об этом говорить, для нее это была слабость, проявленная монахиней.

¹⁰ Аверинцев Сергей Сергеевич — советский и российский филолог, культуролог, историк культуры (в том числе христианской), философ, литературовед, критик, переводчик.

¹¹ Они сейчас живут в Америке. Александр Николаевич недавно скончался в Бруклине.

¹² Хауке-Лиговский Александр — священник-доминиканец, ректор колледжа Св. Фомы Аквинского в Киеве, профессор теологии.

¹³ Он понимал, что едет к пожилому человеку, никогда не причинял ей какого-либо неудобства.

которые ей помогают, она иногда подсказывала, когда надо идти в магазин.

Комната ее была достаточно правильной, прямоугольной формы, почти квадратной. Как входил — стоял диванчик зеленый. С левой стороны, в углу, находилась дарохранительница. Кто входил, обязательно перед ней преклонял колени. Перед дарохранительницей всегда горела лампадка, не масляная, а электрическая, современная, очень красиво сделанная. На этой же стене слева висела икона Сердца Иисуса. Мне она запомнилась, потому что очень сильно отличалась от православных икон: над этим алтариком висела репродукция "Сикстинской Мадонны Рафаэля". Даже не репродукция, а черно-белая фотография, совершенно простая, под стеклом. По бокам клеена лейкопластырем.

В самом углу, с левой стороны стоял однодверный застекленный шкаф, старинный, очень красивый. В шкафу хранилась посуда, которую Нора Николаевна выставляла только в особые дни. Посреди комнаты стоял стол, а над ним висела лампа. Абажур представлял собой многогранник, по бокам была выпилена какая-то ветка, лоза виноградная, а изнутри он был покрыт синей материей. Материя эта уже выцвела и покрылась пылью. Хотя вида эта лампа уже не имела, но ее абажур для Норы Николаевны имел особую ценность. Он был выпилен человеком, который в свое время сидел в лагере и умер в инвалидном доме. Для Норы Николаевны она была живым напоминанием об этом человеке, и отношение ее к этой лампе было трепетным, как к символу. Надо просто понять ту мистическую жизнь, где каждая вещь приобретает вторичное значение.

Вообще, хотя вся мебель у Норы Николаевны была с помойки, тем не менее она была хорошей. Уже в самом конце жизни приобрели для Норы Николаевны новую кровать, которую поставили возле стенки перед шкафом (эту кровать я очень хорошо помню). Как-то я пришла к Норе Николаевне, а у нее начался гипертонический криз, пришлось вызывать "неотложку". Потом выяснилось, что давление было очень высоким, помню, как она лежала на этой кровати. Потом ей сделали укол, довольно болезненный, но она как-то очень спокойно и стойко все переносила, даже врач "неотложки" был расположен к ней.

Еще в комнате у нее была интересная вещь, которую сейчас, вообще, нигде не увидишь, — этажерка. Она стояла с правой стороны от окна у стены, не помню, что лежало на этажерке, какие-то дорогие ей мелкие вещи, фотографии, письма, книги. Она что-то с французского переводила, и эта книжка лежала там, она ее оттуда доставала. Но центральное место в комнате занимал все же стол. На этом столе служились Мессы, за ним все собирались и обсуждали какие-то значимые вещи. Еще я помню ее Розарий. Не помню, где она его держала, но помню, как она его целовала. Помню ее платье, в котором она делала все самые торжественные выходы. Это был черный сарафан без рукавов; на левую сторону она одевала доминиканский черно-белый крестик.

Нора Николаевна ежедневно слушала Мессу по радио Ватикана. Причащалась она из Дарохранительницы, что для меня тогда было не совсем понятным. Сначала у Норы Николаевны совершал службы и исповедовал отец Марк Смирнов, потом — отец Георгий Фридман. Собирались мы вокруг стола, накрывалась особая скатерть, вставал отец Георгий, красиво, чинно облачался, и начиналась служба. Мы стояли вокруг стола, отец Георгий вставал лицом к маленькому алтарю и служил. Вокруг этого стола вставали на колени. В общем, все довольно

просто было, не было какого-то особого торжества. Но это, как ни странно, как раз и подкупало. Потому что нас, людей, пришедших из атеизма, одолевало чувство, что мы, верующие, как бы отвергающие обычный быт, можем адаптироваться в этом духовном мире.

Эта обедня давала мне ощущение того, что я нормальный человек. Мне нужно было самоутвердиться; потому что было ощущение, что мы — в духовном вакууме. Мало можно было найти душ, с которыми можно говорить о Боге. Поэтому, когда ты, наконец, находишь этих людей, то очень важно просто чувствовать, что ты в среде таких же. Пусть они для других будут какими-то дурными, но, когда ты оказываешься в этой среде, ты понимаешь, что это — простые люди, может быть, со своими слабостями, и тем не менее они верят, они могут говорить о Боге. И никто при этом не будет считать, что у тебя "крыша поехала", или у тебя в жизни что-то не так, и поэтому тебе нужна эта религия. И потом мне нравилось, что здесь не было политиканства, не было связи с иностранцами.

Когда я, например, узнала, что Ваня стал посещать доминиканскую монахиню, и, вообще, как бы стал католиком, мне в то время показалось, что это больше политический шаг, нежели религиозный. Я этого не приветствовала, и меня это пугало в нем. Но потребность в общении взяла свое, и я в лице Вани нашла человека, с кем я могла говорить о наболевшем, о том, что меня волнует в этой жизни. И у Норы Николаевны отдушину получала та часть души, которую можно назвать мистической. На этих Мессах все было просто, и люди присутствовали зрелые, немолодые: Нора Николаевна, Георгий Давыдович, Юлий Анатольевич. Было видно, что это не фанатики, что они не "заморожены".

Нора Николаевна очень много молилась за конкретных знакомых людей. К ней, вообще, очень многие обращались со своими проблемами, так как она принимала проблемы других, как вполне реальные для себя, старалась донести их до службы. Ее телефон очень редко замолкал; она была и информационным центром, и центром поддержки для всех. И еще Нора Николаевна очень любила Папу Иоанна Павла II и много молилась о нем, особенно, когда случилось покушение на него. Не случайно у нее была икона Сердца Иисуса. Сердце, обвитое тернием.

В этом смысле Нора Николаевна была цельным и законченным человеком. Она никогда не читала проповедей в духе катехизации; а вот личное участие, молитву сердца она безусловно имела. После нее я ни с одним человеком не сталкивалась, который бы принимал другого так близко, как она¹⁴. Нора Николаевна была человеком очень пронизательным, в том смысле, что она хорошо понимала и принимала греховность людей. У меня все время было ощущение, что я у нее как на ладони. Хотя, с другой стороны, около нее не всегда были люди, которые прямо-таки благоговели перед ней, вообще-то, и не было таких людей, да может это и не надо было. Я говорю в том смысле, что не у всех было такое чувство, что она очень пронизательна. Но у меня оно было. Мне казалось, что когда она смотрит на меня, то видит не то чтобы недостатки, а вот именно в понятиях грех или святость, на какую сторону как бы тянет.

Нора Николаевна учила меня молиться, она была первым человеком, который говорил со мной о молитве. Она мне объясняла смысл молитв, чтобы это не было повторением просто каких-то слов,

¹⁴ Правда, в один момент мне это немножко помешало. Когда у меня были проблемы с родами Сережи, я это восприняла как повод для личной обиды. Мне казалось, что она для меня должна была вымолить, чтобы мне должно быть хорошо и не должно быть плохо. Мне казалось, что она способна взять мои грехи на себя.

заученных, как стихотворение. Она говорила очень интересные вещи, например, что вот ты, Лена, мне помогаешь, и доминиканская община будет за тебя всегда молиться после твоей смерти. Она говорила, что это в доминиканских традициях, что они за своих благодетелей, за тех, кто им помог, молятся после их смерти. Причем, не после смерти тех, кому они благодетельствуют, а после смерти того, кто им помог. Мне, помню, было ужасно обидно. Как же так, мне молитвы нужны здесь, а не после смерти! Не знаю, может быть, она была в этом смысле пронизательнее меня, и человеку действительно больше нужны молитвы после смерти.

Запомнилось одно Рождество. Там был один очень интересный обряд, который я видела только у Норы Николаевны. Нас было шесть человек гостей. Ваню помню и Тамару Яковлевну, она тогда ждала ребенка. Нора Николаевна разложила открытки, на которых были написаны разные отрывки из Евангелия. На одной открытке Нора Николаевна написала изречение: «Се родишь Сына и наречешь ему имя Эммануил». Она очень хотела, чтобы эта открытка досталась Тамаре Яковлевне. Я не знаю, как это получилось, но она попала ко мне. Я ничего не подстраивала, просто так получилось. Тамара Яковлевна поняла, что эта открытка предназначалась ей и немного обиделась¹⁵.

Сохранилось у Норы Николаевны лагерное отношение к еде, не то, чтобы она боялась за лишнюю крошку. Но был какой-то ритуал еды. Может быть, это из разряда ее слабостей, знаю, что некоторые, действительно, относили это к слабостям. Для меня это тоже была слабость, но не та слабость, как проявление падения, а объяснимая слабость, которая мне была понятна. Она у меня вызывала скорее даже какое-то уважение, потому что понималось, что тот голод, который она перенесла, был настоящий, подлинный.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что Нора Николаевна не была политизированным человеком, она старалась избегать разговоров о политике. Мне здесь, прежде всего, нравился тезис, что человек должен сохранить свою веру при любом режиме, а вот уже сам режим, его качества, особенности можно не рассматривать, не принимать во внимание. При условии, что этот режим не препятствует тебе быть верующим. Вообще, посещение Норы Николаевны было сопряжено с некоторой опасностью, хотя сейчас она и кажется гипотетической, тогда же все воспринималось вполне реально. Чувствовалось, что не в игрушки играешь, и какие-то сведения, впечатления стирал из памяти сам, чтобы не было никакой лишней информации.

Меня это не коснулось, но Нору Николаевну это коснулось и отразилось в виде больших страхов и каких-то вполне определенных вещей. Например — слезка. Слезка определенно была, даже и на моей памяти. Когда я как-то пришла к Норе Николаевне, я встретила на этаже двух молодых людей, которые, когда увидели меня, сделали вид, что они там просто курят и закусывают. Но в этом была большая нарочитость, потому что с виду они были достаточно интеллигентными. Им было лет по 25, не больше. У Норы Николаевны тогда кто-то был, и я думаю, что это они за ним следили и пришли.

А потом была очень известная история про гвоздь. В три часа ночи пришел какой-то человек и забил гвоздь. Нора Николаевна услышала ночью стук, а с утра уже увидела вбитый в стену на лестничной клетке

¹⁵ Я тогда еще даже не подозревала, что Ваня вскоре сделает мне предложение. Но я эту открытку воспринимала, как относящуюся ко мне. В тот год Ваня сделал мне предложение, и я забеременела, совершенно не сомневаясь, что у меня будет мальчик.

гвоздь. А стена комнаты Норы Николаевны как раз выходила на лестничную клетку. Я думаю, что гвоздь этот был самый обычный, но дело не в нем, это был просто способ оказать давление на человека, зная, что этот народ уже достаточно пуганый. Нора Николаевна жила в состоянии страха, но это был контролируемый страх, он не перешел у нее в психоз. Она просто принимала меры, чтобы себя обезопасить.

Скажем, важные разговоры велись только в ванной комнате, при льющейся воде; старались не называть имен. Нора Николаевна очень переживала за Юлия Анатольевича Шрейдера, когда его "ушли" из партии, беспокоясь о том, как сложится его дальнейшая судьба. Помню разговоры о священстве отца Александра Хмельницкого, и Нора Николаевна как бы испытывала глубину его стремления к священству. Но это были скорее интеллектуальные разговоры, чем мистические. Мне Нора Николаевна ничего не рассказывала о лагерях, о ссылке; она всегда избегала этих разговоров, разве что немного рассказывала про общину в Малоярославце.

Несмотря на то, что Нора Николаевна после принятия католичества порвала со своим окружением, она все-таки в большой степени "оставалась" еврейкой. Например, она принимала у себя и Аверинцева, и Бориса Хазанова, который потом эмигрировал. При этом всегда подчеркивала, что, если бы Хазанов, более талантливый, не был евреем, то он пошел бы гораздо дальше Аверинцева¹⁶. Еще пример. Я училась на психологическом факультете МГУ, а она говорила, что в МГУ не принимают евреев. Но я-то училась там, и со мной учились и преподавали очень много евреев. Но Нора Николаевна этого не хотела замечать и была уверена, что евреев дискриминируют.

Про матушку Екатерину¹⁷ она мне много не говорила, но, по ее словам, я поняла, что послушание в общине у матушки было достаточно суровым. Когда Нора Николаевна и Вера Львовна¹⁸ стали жить вместе, то старшей в их маленькой общине из двух человек была Вера Львовна. Нора Николаевна считала, что требования Веры Львовны к ней были достаточно жесткими. Например, она требовала от Норы Николаевны не поддерживать отношений с братом. Этот запрет Нора Николаевна не могла рационально для себя объяснить, и это ее беспокоило. Она этого не принимала, потому что совсем не понимала, зачем это нужно. И для меня проявление теплых человеческих чувств к брату было как раз здоровым началом. Быть христианином, быть верующим человеком, связанным с миром, — по-моему, это первоочередная задача. Но требование старшей сестры Нора Николаевна выполняла, послушание ее при этом было безусловным. А отношения с братом вновь возобновились только после смерти Веры Львовны¹⁹.

Я познакомилась с Норой Николаевной, когда выезд для нее куда-то был связан с большими трудностями. Ее мучила одышка, ей тяжело было двигаться, приходилось заказывать такси. Я не помню, чтобы при мне она выезжала в храм Св. Людовика, не помню, чтобы она и гулять выходила. К нам она пару раз приезжала после рождения дочери, у которой она была крестной матерью, она также очень любила моего сына. Последняя ее фотография сделана за несколько дней до смерти, на ней Георгий

¹⁶ Я видела Хазанова несколько раз, и у меня такого впечатления о нем не создалось.

¹⁷ Матушка Екатерина — это Анна Ивановна Абрикосова.

¹⁸ Сестра Стефания Городец.

¹⁹ Я сама Веру Львовну в живых уже не застала.

Давыдович, мой сын Сережа и она. Она протягивает Сереже руку и улыбается.

В общем, умерла Нора Николаевна счастливой смертью, потому что до самого последнего дня она была на ногах. Она всегда молилась об этом, потому что боялась, что в свои последние дни она будет парализована и будет в тягость окружающим. Она боялась умереть в чужой для нее среде, в чужой обстановке, от которой во время отсидки она устала морально и физически.